

УЧАСТИЕ КОМПАРАТИВОВ РАВЕНСТВА И НЕРАВЕНСТВА В ЭКСПЛИКАЦИИ ХАРАКТЕРИСТИК ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ЕЛЕНЫ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

Ли Яньфэн

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
Гуансиский медицинский университет, Наньнин, Китай

Введение. Статья посвящена участию компаративов в характеристике главной героини романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» и соединяет два актуальных подхода: функционально-семантический, связанный с текстовыми экспликациями единиц функционально-семантического поля «компаративность», и гендерно-лингвистический. Второй подход актуализирует феминно ориентированные компаративы, а именно: формы образа сравнения (компаративы равенства) и формы признака различия (компаративы неравенства), мишенью которых являются экспликации внешнего и внутреннего облика Елены Кукоцкой.

Цель статьи – выявить и проанализировать структурное и содержательное разнообразие компаративов, участвующих в персонажной тематической сетке Елены, определяя идиостилевые особенности автора.

Материал и методы. Используются метод первичного лингвистического описания (картографирование материалов, классификация и интерпретация), а также контекстуальный и трансформационный методы.

Результаты и обсуждение. Обращение к хронотопическому, дискурсивным и сенсорному уровням характеристик Елены (при помощи компаративов) позволяет видеть различные проявления ее в жизни, многозначность героини, выраженную отношениями к ней других героев и повествователя. Большую роль в дискурсивной представленности героини «изнутри» играют «тетради» Елены, в которых феминно ориентированные компаративы участвуют в выражении ее жизненных позиций, ее самокритичности, языковой креативности, фантазийности, в применении ею окказионализмов, неожиданных метафорических образов, в том числе развернутых. Тематическая персонажная сетка образа Елены представлена большим разнообразием компаративов равенства (сравнений-уподоблений и метафор) и компаративов неравенства (форм степеней сравнения признаков слов и форм субъективной оценки качества). Перед читателем возникает визуальный, запаховый, слуховой (сенсорный уровень) облик молодой, прелестной своей хрупкостью женщины; при этом трудно представить ее лицо; читатель сам дорисовывает ее портрет. В компаративных характеристиках героини прежде всего эксплицирован ее внутренний облик (настроения, радостные, но большей частью тяжелые переживания, ценностные ориентиры в ее картине мира). Участие компаративов в создании образа Елены проявляет их своеобразно проявляющуюся текстообразующую функцию с применением приема «Соотношение тропов и реалий».

Заключение. Результаты выполненного анализа способствуют систематизации знаний о способах выражения компаративов в языке художественного текста; их описание вносит определенный вклад в теорию образности.

Ключевые слова: гендер, феминность, компаративы равенства и неравенства, предмет сравнения, образ сравнения, метафора, роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого».

Термин «компаратив» (лат. *comparativ* – сравнение) используется нами в широком понимании – как конститuent функционально-семантического поля компаративности (ФСПК) [1–4]. В ФСПК выделяется два микрополя: 1) микрополе компаративного равенства (МКР), включающее союзные, предложные, словообразовательные (типа *по-кошачьи*, *фасолеВидный*) сравнения по сходству, сравнения со «словами похожести» (*походить*, *похож(ий)*, *подобный* и др.), творительный уподобления (*нос картошечкой*), а также лексические (*одинаковый*) и фразеологические (*одного поля ягоды*) выражения сходства; 2) микрополе компаративного неравенства (МКНР), включающее формы сравнительной и превосходной степени, формы субъективной оценки качества, лексические показатели различия (типа *редкостный*, *бестселлер*, *мисс-Франция* и др.) [2, 5–7].

При изучении текстовых компаративов равенства/сходства актуализуются формы образа сравнения (т. е. то, с чем сравнивается), а при рассмотрении текстовых компаративов неравенства – формы признака различия (основания сравнения). Выражение гендера в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» соответствует трем линиям феминности:

а) компаративы, «мишенью» которых являются героини романа Л. Улицкой;

б) компаративы, характеризующие явления, связанные с ведущей темой романа «Материнство и деторождение»;

в) автор романа – женщина, представитель активно изучаемого «феминного письма» [8–11]. Данная статья прежде всего соотносится с первой линией феминности.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать «план выражения», «план содержания» и

особенности функционирования компаративов, характеризующих главную героиню романа «Казус Кукоцкого» – Елену.

В исследовании применяется метод первичного лингвистического описания, включающий картографирование фактического материала, его классификацию и последующую интерпретацию; используются контекстуальный метод и методика трансформационного анализа – для идентификации компаратива, не имеющего показателя. Например: кошачья повадка Елены (= повадка, напоминающая движение кошки; как у кошки).

Используя широкое понимание термина «компаратив», мы, однако, учитываем и традиционное понимание термина «сравнение» как стилистической фигуры, отражающей соположение сопоставляемых предметов мысли, и термина «метафора» – как лексико-семантического явления, отражающего наложение двух похожих представлений. Образные сравнения по сходству и метафоры соединяются в том, что в их содержании всегда присутствует образ сравнения. В этом они соответствуют тематической классификации метафор, в которой выделяются: природоморфные, социоморфные, антропоморфные, артефактные разновидности [12]. Образные компаративы сходства всегда проявляют функцию эмоциональной оценки. Компаративы по различию (формы степеней сравнения и степеней качества) развивают функциональную семантику эмоциональной оценки обычно на базе значения «интенсивность/чрезмерность».

Литературоведческое понятие «образ героя» в нашей работе соотносится с лингвопоэтическим понятием «тематическая персонажная сетка» – как часть общей тематической сетки текста [13, с. 3–11]. Характеристики героини романа при помощи компаративов равенства и неравенства являются частью ее тематической персонажной сетки. Выявление тематической сетки текста служит средством декодирования и толкования художественного произведения. Сравнения в их широком понимании (компаративы) прежде всего являются ярким типом «выдвижения» в тексте, т. е. «косвенными номинациями», умножающими представления авторского миропонимания (одно явление воспринимается через призму другого). Тематические элементы в тексте объединяются «по референции, т. е. отнесенности к объектам описываемой реальной действительности и отношению к ним» [13, с. 3–11]. «Объектами описываемой действительности», т. е. предметами сравнения, в тексте романа прежде всего являются его героини, элементы их внешнего и внутреннего облика.

Можно говорить о нескольких уровнях участия феминно ориентированных компаративов в создании женских образов в романе Л. Улицкой: хроно-

топический уровень описания героини, связанный с движением сюжета, с ретроспекциями текста, дискурсивные уровни, отражающие источники информации о внешнем и внутреннем облике героини (авторское слово и слово других персонажей, самохарактеристики героини); в качестве автономного может участвовать сенсорный уровень (например, цветосветовые, слуховые, запаховые впечатления доктора Кукоцкого от Елены).

Главные героини в романе Л. Улицкой – Елена, жена Кукоцкого; Таня, их дочь; Тамара Полосухина, которая стала жить в семье Кукоцких после смерти матери; Василиса, помощница в этой семье. Рассмотрим, как компаративы, участвуя в текстообразовании, характеризуют Елену.

Первая встреча читателя с ней связана с визуальным восприятием ее почти безжизненного тела доктором Кукоцким (хронотопический уровень участия компаративов в описаниях героини сочетается с сенсорным). Он замечает, что *выше обычного расположена диафрагма... длинные коричневые брови с пушистой кисточкой... и меловую бледность* [14, с. 18]. Участвуют метафоры (*с кисточкой, меловую*) и компаративы неравенства: форма сравнительной степени прилагательного с гиперболическим значением: *глаза ее были больше остального лица*.

Включается «особое зрение» Павла Алексеевича: он своим «внутривидением» выделяет значимые для него цветовые участки – «*призрачные картинки*». Наблюдает «*прекрасно устроенную изнутри женщину*» и любит даже изъясняться в ее анатомическом строении, о чем свидетельствует пространственный сравнительный оборот в следующем отрывке: *Даже затемнение у верхушки правого легкого, след перенесенного в детстве туберкулеза, казалось ему милым и знакомым, как очертание давно известного пятна на обоях возле изголовья кровати, где ежевечерне засыпаешь* [14, с. 21]. Показателями того, что именно доктор характеризует Елену, являются слова, передающие характер восприятия: *заметил, видел, поразился, казалось ему* (и опосредованно – *засыпаешь* – как элемент несобственно-прямой речи).

Многое в этом «внутривидении» и в открытом видении доктора представлено метафорически, т. е. «опосредованными сравнениями» [15, с. 13–14]. Для выражений высокой степени качества используется периферийное в МКНР прилагательное *редкий* (в значении «редкостный/уникальный/дикий/винный»): *редкой стройности и легкости позвоночник; сердце, освещенное бледно-зеленым, согласно с мышцей бьющимся прозрачным пламенем* [14, с. 18].

Метафоры участвуют в одушевлении внутренних органов героини – так их воспринимает доктор

Кукоцкий: *Нагноение уже захватило... темную встревоженную матку; Сердце билось слабенько... матка излучала ужас* [14, с. 19]. Семантика подобия, свойственная метафоре, соединяется с семантикой чрезмерности, свойственной компаративам неравенства; это касается характеристики голоса (проявление сенсорного уровня) Елены – при помощи перехода относительного прилагательного в качественное и сопутствующей метафоризации (бумажный); прилагательное соединяется с наречием степени *совсем* (аналитическое выражение степени качества).

В представлении Кукоцкого *голос Елены был слабенький, совсем бумажный* [14, с. 21]. Прилагательное *слабенький* со значением уменьшительной степени качества выражает ласкательное сочувствие.

Во «внутривидении» доктора важны особые цветовые и запаховые образы (сенсорный уровень); метафорически соотнесенные со световыми, они усиливают экспрессивный эффект загадочности, особой привлекательности героини: *Слабое желтовато-розовое пламя... с каким-то редким цветочным запахом... подсвечивало женщину и было, в сущности, частью ее самой* [14, с. 19]. Разноструктурные компаративы не только передают первое впечатление о героине, но это впечатление явно и неявно окрашено отношением к ней главного героя, который постепенно влюбляется в эту женщину и будет всю жизнь беззаветно любить ее. Это сказывается и в употреблении компаративных демутивов (*кисочки, веточки, слабенький*), и в повторении метафорического светового образа, связанного с представлением о пламени.

Дискурсивные (взаимодействующие с хроно-топическим) уровни участия компаративов в выявленной тематической персонажной сетке Елены соотносятся с самим словом автора и включением в него характеристик Елены Василисой. В этих характеристиках ведущим является образ кошки, образ животного. Но повествователь и Василиса по-разному используют его. Василиса подчеркивает животное начало, отсутствие разума, например: *Василиса и относилась теперь* (то есть во время болезни) *к Елене снисходительно, как к домашней скотине – покормить, почистить...* [14, с. 378]. В раздумьях Василисы о больной Елене положительные оценки соединяются с укором и сочувствием – все это обобщается сравнительным оборотом с просторечной формой: *Живет как животная...* [14, с. 378]. Возможно, замена родовой формы (женский род вместо литературного среднего рода) не столько связана с необразованностью Василисы, сколько с ее интуитивным желанием подчеркнуть в зоохарактеристике феминность.

До болезни Елены ее сравнение повествователем с кошкой отражает мягкую, привлекательную пластичность героини: *Медленно-округлые движения, мягкий, с наклоном поворот головы, кошачья повадка устроиться в кресле...* [14, с. 108].

Зоохарактеристика *кошка* соотносится с использованием приема «Тропы и реалии» [16, с. 37–63]. Применяя форму субъектной оценки качества и союзные сравнения (при этом слово «кошка» используется и в прямом значении), автор сочувственно относится к героине: *Она улыбнулась нестерпимо жалкой улыбкой и схватилась за кошку, как ребенок хватается за руку няньки...* [14, с. 386]. Доктор с раздражением думает о привязанности Елены: *Всегда кошка.... В следующий раз выгоню кошку в коридор... Как странно, кошка – как проводник в безумие...* [14, с. 389]. Кошка становится как бы символом душевного заболевания Елены, которое возникло под влиянием жестокого слова Павла Алексеевича о том, что после операции героиня уже не женщина, т. е. не способна к деторождению.

Опосредованная связь с образом кошки наблюдается в следующих примерах: *Елена, с чуткостью нервнобольной заметив молниеносную нахмуренность Павла Алексеевича, замолчала. <...> Но она [Елена] замолкла, как будто выключили ток. Снова погрузила пальцы в Муркину шкуру, заряженную живым, чуть потрескивающим электричеством, и полностью оторвалась от беседы...* [14, с. 389]. Соотношение тропа и реалии здесь как бы делает новый виток: акцент переносится на *заряженную живым электричеством шкуру Мурки* (ассоциация на образ «как будто выключили ток»). Образы уподобления связаны причинно-следственными отношениями: нервнобольная обнаруживает *молниеносную нахмуренность* мужа, и следствием этого явилось ее молчание, которое сравнивается с *выключением тока*. Цепочка обусловленности завершается употреблением синонима к слову *ток* – *электричество*, но уже по отношению к *Муркиной шкуре* – образ метафорически развертывается, включая и звукообраз (*потрескивающим электричеством*).

Один из дискурсивных уровней, очень значительный в романе, компаративной экспликации героини соотносится с ее собственными представлениями о себе – болезненными, но любопытными, креативными и фантазийными. О них мы узнаем из ее «тетрадей», где героиня использует окказионализмы (*полулюди-полурастения*), где проявляются ее странные представления: *Биохимия представлялась* (т. е. была похожа. – Л. Я.) *Елене большой стеклянной коробкой с цветными звенящими трубочками...* [14, с. 20].

Описание воображаемых Еленой картин во время ее полубессознательного состояния тоже

соотносится с приемом «Тропы и реалии»: одно и то же слово (*полотно*) употребляется ею и в прямом, и в переносном смысле; от метафорического глагола (*вышивать*) она образует окказиональное название лица (*вышивальщицы*). Елена, находясь в эмоциональном напряжении, использует повтор форм сравнительной степени прилагательного вместе с интенсификатором *гораздо* – в значении, близком к элативу, а также ирреальное уподобление (*кажется*) с подробными пояснениями: *Заботливо разложенная на огромном белом полотне, она и сама чувствовала себя отчасти этим полотном, и легкие руки что-то делали, как будто вышивали на ней...* Кроме этих заботливых *вышивальщиц*, были и другие, враждебные, *кажется, немцы* (= похожие на немцев. – Л. Я.). Она догадывалась, что все с ней происходящее имеет отношение к ее жизни и смерти, но за этим стоит нечто *гораздо более важное...* [14, с. 20].

Наблюдение компаративов в «тетрадах» Елены выявило (кроме уже указанных окказионализмов) следующие особенности языковой личности этой героини.

1. Нередко она употребляет ирреальные сравнения, показателями которых является союз *как будто* и омонимичное ему наречие, что может свидетельствовать о развитом воображении героини, ее склонности к размышлению, к фантастическим предположениям. Динамика размышления проявляется в использовании многих метафорических глаголов движения, в том числе с семантикой интенсивности, мгновенности, и также – синкретической метафоры [17] (*влажный ужас*) и метафорического образа множества (*океан*): *Все это сложно устроенное тело жаждало сократиться, уйти, спрятаться от влажного ужаса, который океаном покрывал поверхности всех тел... Тело как будто знало, что ужас проникает насквозь, а не только растекается по поверхности...* [14, с. 140].

Союз *как будто* в речи Елены кроме значения ирреального уподобления выражает дополнительные значения – способа действия и причины, например: *Влюбилась я в П. А. даже не с первого взгляда, а так, как будто я его любила еще до своего рождения...* Антона [первого мужа Елены] же забыла, *как будто он был просто сосед, или одноклассник, или сослуживец* [14, с. 123]. В целом употребление *как будто* в речи Елены подтверждает наблюдение о его семантической и лексико-грамматической неоднородности, которую трудно дифференцировать, тем более что толковые словари предлагают недостаточные и разноречивые сведения об этом. В значении наречия с модальной семантикой предположительности используются синонимичные *как будто* и *вроде* в следующих рассуждениях Елены: *И тогда мне как будто*

разрешают вернуться... [14, с. 137]; *Я теперь смотрю на это вроде бы с улыбкой...* [14, с. 117].

В описаниях переживаний героини актуализованы аналитические формы суперлативов и повторяющиеся формы сравнительной степени прилагательных, участвующие в выражении семантики чрезмерности, например: *Самое страшное, что я в жизни переживала, и самое неопишное – переход границы. Я про ту границу, которая проходит между обычной жизнью и другими разными состояниями...* *Самое страшное и, кстати, самый страшный переход я пережила вскоре после смерти деда* [14, с. 116].

2. В «тетрадах» Елены при помощи компаративов неоднократно выражается критическая самооценка героини. Так, она, иронизируя над собой, задает вопрос с намеком на повесть Н. В. Гоголя: *Кому и зачем я пишу эти «Записки сумасшедшего»?* [14, с. 142]. Используя повторы аналитической формы степени качества и формы степени сравнения с усилительной частицей *все*, Елена с горечью говорит о своем душевном бессилии: *Жизнь моя сама по себе столь незначительна, и сама я столь незначительна... память моя делается все хуже и хуже* [14, с. 109].

Метафорические глаголы (в том числе шутливое устойчивое выражение *искать хвост*), шутка насчет *старой фарфоровой чашки*, аналитические суперлативы, распространенные сравнения и метафоры передают стремление героини разобраться в том, что с ней происходит, и сожаление о том, что силы душевные слабеют: *...и свою собственную жизнь хочется раскопать, как археолог вскрывает глубокие пласты... А самое ужасное в том, что мозги мои стали как старая фарфоровая чашка, все в трещинках. Мысли вдруг пресекаются, теряются, и долго ищешь хвост* [14, с. 110].

Иногда в ее записках появляется как бы надежда: *Сегодня исключительно ясная голова* [14, с. 346]; *Сегодня у меня ясная голова и прямолинейное движение мыслей* [14, с. 343]. Но здесь же снова, используя метафоры, Елена сетует на свою ментально-речевую немощность: *...слова вылетают, и все в черных дырках. Беда* [14, с. 343]. Автор называет такие минуты метафорическим и словообразовательным окказионализмом *миморечье*.

3. Контексты с компаративами отражают отношение Елены к своей профессии. Она работала чертежницей, и эта работа ей очень нравилась *потому, что в ней есть точный закон, по которому все можно построить* [14, с. 116]. В метафорическом значении используются термины, сравнения с пространственной семантикой: *...сгустившаяся тьма создает подобие замкнутого пространства...* [14, с. 121]; *Может быть, это было и не помещение вовсе, а такое тесное, с нависающим*

над головой подобием гнусного неба, *пространство* [14, с. 119]. Елена дифференцирует пространство фантастически, выделяя в нем нематериальные поверхности, связанные со ступенями блаженства, боли: *...у каждого вообразимого блаженства, как и у боли, есть еще одна ступень вверх, как на моей новой поверхности что-то расклеилось, раскрылось для новых устьев...* [14, с. 142].

Некоторые метафоры (используются генитивные структуры и синонимичные им – атрибутивные словосочетания) в ее «тетрадах» профессионально обусловлены: *Есть в словах что-то чертежное...; Есть «чертежность» во всем существующем...* [14, с. 54]; *Да и чертежные сны время от времени снились...* [14, с. 55]; *...хотелось бы высказать мужу свои соображения о «чертежности» мира...* [14, с. 56]. Елена даже может как бы нарисовать фразу: *Однажды ей приснился сон, что Антон Иванович говорит ей какую-то простую обыденную фразу, а она видит эту фразу в не обыкновенном образе анфас, а как бы в профиль: узкая, как рыба мордочка...* [14, с. 54].

4. Для речи Елены характерны развернутые метафоры. Например, метафора *Великой Воды* (занимает больше страницы), то, что она условно называет *третьим состоянием*: *К области самого важного, но никак не принадлежащего настоящему, относится и мое переживание – или видение? Или то, что я условно называю третьим состоянием? – Великой Воды...* [14, с. 138]. Особый интерес представляет рассуждение Елены о возможности существования фрагмента *новой грамматики* времени, «в нашем языке не осуществленной» (напоминающей, в изложении Елены, элементы категории таксиса. – Л. Я.), включающее относительные и безотносительные формы выражения повышенной степени качества, в том числе корневые повторы, лексические средства выражения неравенства.

Итак, участие компаративов в построении образа Елены в романе «Казус Кукоцкого» соотносится с тремя уровнями:

1. Хронотопическим (от первого знакомства во время возвращения ее к жизни доктором Кукоцким до полной физиологической беспомощности героини, «обломавшей свою психику»).

2. Дискурсивными уровнями, позволяющими наблюдать эту героиню в жизни, понимать ее неоднозначность, выраженную через отношения к ней других героев романа (любование, сочувствие, жалость, снисхождение, пренебрежение). Большую роль в дискурсивной представленности героини «изнутри» играют «тетради» Елены, в которых по использованию компаративов можно судить о ее самокритичности, языковой креативности, фантазийности в применении окказионализмов, метафор, в том числе развернутых. Из компаративов неравенства Елена нередко употребляет в своей речи аналитический суперлатив и формы сравнительной степени (с усилительными частицами), что свидетельствует об особой эмоциональной напряженности ее настроения, состояния. Среди большого структурного разнообразия компаративов равенства в ее речи выделяются словообразовательные окказионализмы. Экспрессивность речи Елены оригинально проявляется в метафорах и сравнениях, связанных с ее профессией: *чертежные сновидения, геометрия слова, чертежность мира; фраза как бы в профиль: узкая, как рыба мордочка.*

3. Через призму «внутривидения» доктора Кукоцкого и его открытых впечатлений (визуальные, слуховые, запаховые) перед читателем возникает сенсорный облик этой молодой, прелестной в своей хрупкости женщины; при этом зримо трудно представить ее лицо, читатель дорисовывает его сам.

Участие компаративов в создании образа Елены соотносится с многократным применением приема «Тропы и реалии», создающего текстовые связи, целостность восприятия микротем, формирующих канву образа.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 5–36.
2. Берков В. П., Князев Ю. П., Калашник Д. М. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 107–160.
3. Казанцева И. В. Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005. 23 с.
4. Кравец О. В. К вопросу о структуре поля компаративности в английском и немецком языках // Вестн. науки и образования. 2016. № 9 (21). С. 58–60.
5. Скворецкая Е. В. Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. С. 26–36.
6. Скворецкая Е. В. Роль человеческого фактора в выборе образных компаративных форм в художественном тексте // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте / отв. ред. Т. А. Трипольская. Новосибирск, 1994. С. 30–38.
7. Ли Яньфэн. Структурное разнообразие феминных сравнений в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 2 (191). С. 91–98. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-91-98.

8. Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5–17.
9. Хачмафова З. Р. Гендерная стратификация языка женской прозы (на материале русского и немецкого языков) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 186–196.
10. Воробьева С. Ю. Проблема «женского стиля» в литературоведении (гендерный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, № 4. С. 87–91.
11. Воробьева С. Ю. Приемы презентации женского и мужского начал в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» (гендерный аспект) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2016. Вып. 3 (168). С. 140–144.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.
13. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л.: Наука, 1984. С. 3–11.
14. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2015. 511 с.
15. 韩庆玲. 隐喻研究漫谈 [J]. 修辞学习, 1999 (2): 13–14.
16. Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика, 1988–1990. М.: Наука, 1990. С. 37–63.
17. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.

Ли Яньфэн, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллюйская, 45, Новосибирск, Россия, 630126); преподаватель, Гуансиский медицинский университет (Наньнин, Китай). E-mail: liyanfeng@yandex.com

Материал поступил в редакцию 15.04.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-7-17-23

THE PARTICIPATION OF EQUALITY AND INEQUALITY COMPARATIVES IN THE EXPLICATION OF THE CHARACTERISTICS OF THE MAIN CHARACTER ELENA IN L. ULITSKAYA'S NOVEL *THE KUKOTSKY ENIGMA*

Li Yanfeng

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
Guangxi Medical University, Nanning, China

The article features the comparative characteristics of the main heroine in L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma* and combines two topical approaches: the functional-semantic approach, connected with the text explications of units in the functional-semantic field "comparativeness", and the gender-linguistic approach. The second approach actualizes feminine-oriented comparatives, namely: the forms of the images of comparisons (comparatives of equality) and the forms of the signs of difference (comparatives of inequality), the "targets" of which are explications of the external and internal appearance of Elena Kukotsky.

The purpose of the article is to identify and analyze the structural and substantive diversity of the comparatives involved in the character's thematic grid of Elena, identifying the author's idiosyncrasy features.

We use the primary linguistic description (collection of materials, classification and interpretation), as well as contextual and transformational methods.

Appeal to the *chronotopic*, *discourse* and *sensory* levels in the comparative characteristics of Elena, we can see her various manifestations in life, the polysemy of the heroine because of different attitude expressed by other heroes and the narrator, her self-expression, the variability of her assessments. An important role in the discourse representation of the heroine "from the inside" is played by Elena's notebooks, in which feminine-oriented comparatives participate in the expression of her self-criticism, linguistic creativity, fantasy in the use of occasionalisms, unexpected metaphorical images, including expanded ones.

The comparative character's grid of Elena is represented by a wide variety of comparisons of quality (comparison-assimilations and metaphors) and comparatives of inequality (forms of degrees of comparisons of characteristic words and forms of subjective assessment of quality). In front of readers there is a visual, odor, auditory (the sensory level) appearance of this young woman, charming by her fragility; it is difficult to imagine her face; readers themselves draw her portrait.

In the comparative characteristics of the heroine, first of all, her inner appearance (moods, joyfulness, but for the most part difficult experiences, value proposition in her picture of the world) is explicated.

The participation of the comparatives in the creation of the image of Elena manifests their pronounced text-forming function, with the particular use of the approach "the correlation of tropes and realia".

The results of the analysis contribute to the systematization of knowledge about the expressive ways of comparatives in the language of artistic texts; and their description makes a definite contribution to the theory of imagery.

Keywords: *gender, femininity, comparatives of equality and inequality, subject of comparison, image of comparison, metaphor; L. Ulitskaya's novel The Kukotsky Enigma.*

References

1. Bondarko A. V. Vvedeniye. Osnovaniya funktsional'noy grammatiki [Introduction. Foundations of functional grammar]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: vvedeniye, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow, LENAND Publ., 2017. Pp. 5–36 (in Russian).
2. Berkov V. P., Knyazev Yu. P., Kalashnik D. M. Komparativnost' [Comparativeness]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'. Pod red. A. B. Bondarko* [The theory of functional grammar: Quality. Quantity. Ed. by A. V. Bondarko]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. Pp. 107–160 (in Russian).
3. Kazantseva I. V. Funktsional'no-semanticheskoye pole komparativnosti v mariyskom literaturnom yazyke. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Functional-semantic field of comparativeness in the Mari literary language. Abstract of thesis of cand. of philol. sci.]. Yoshkar-Ola, 2005. 23 p. (in Russian).
4. Kravets O. V. K voprosu o strukture polya komparativnosti v angliyskom i nemetskom yazykakh [To the question of the structure in the field of comparativeness in English and German]. *Vestnik nauki i obrazovaniya – Bulletin of Science and Education*, 2016, no. 9 (21), pp. 58–60 (in Russian).
5. Skvoretzkaya E. V. Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniya sravneniya v russkom yazyke [Comparativeness: from history of means of expression of comparison in Russian]. *Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty vyskazyvaniya* [Semantic and pragmatic aspects of the utterance]. Novosibirsk, NSPI Publ., 1991. Pp. 26–36 (in Russian).
6. Skvoretzkaya E. V. Rol' chelovecheskogo faktora v vybere obraznykh komparativnykh form v khudozhestvennom tekste [The role of the human factor in choosing figurative comparative forms in an artistic text]. *Yazykovaya lichnost': problema vybora i interpretatsii znaka v tekste* [Language personality: the problem of choosing and interpreting a sign in the text]. Ed. by T. A. Tripol'skaya. Novosibirsk, 1994. Pp. 30–38 (in Russian).
7. Li Yanfeng. Strukturnoye raznoobrazie femininykh sravneniy v yazyke romana L. Ulitskoy "Kazus Kukotskogo" [The structural diversity of the feminine comparisons in the language of the novel The Kukotsky Enigma by L. Ulitskaya]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, vol. 2 (191), pp. 91–98 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-91-98.
8. Ryutkenen M. Gender i literatura: problema "zhenskogo pis'ma" i "zhenskogo chteniya" [Gender and literature: the problem of "female writing" and "female reading"]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2000, no. 3, pp. 5–17 (in Russian).
9. Khachmafova Z. R. Gendernaya stratifikatsiya yazyka zhenskoy prozy (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Gender stratification of feminine prose language (in the Russian and German languages)]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2010, no. 120, pp. 186–196 (in Russian).
10. Vorob'eva S. Yu. Problema "zhenskogo stilya" v literaturovedenii (gendernyy aspekt) [The problem of "feminine style" in literary criticism (gender aspect)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2013, vol. 13, no. 4, pp. 87–91 (in Russian).
11. Vorob'eva S. Yu. Priemy prezentatsii zhenskogo i muzhskogo nachal v romane L. Ulitskoy "Kazus Kukotskogo" (gendernyy aspekt) [Methods of presentation of male and female elements in the novel The Kukotsky Enigma by L. Ulitskaya (gender aspect)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2016, vol. 3 (168), pp. 140–144 (in Russian).
12. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor] (1991–2000). Ekaterinburg, 2001. 238 p. (in Russian).
13. Arnol'd I. V. Leksiko-semanticheskoye pole v yazyke i tematicheskaya setka teksta [Lexical-semantic field in the language and thematic grid of the text]. *Tekst kak ob'yekt kompleksnogo analiza v vuze* [Text as an object of complex analysis in universities]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. Pp. 3–11 (in Russian).
14. Ulitskaya L. E. *Kazus Kukotskogo* [The Kukotsky Enigma]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ., 2015. 511 p. (in Russian).
15. 韩庆玲 [Han Qingling]. 隐喻研究漫谈 [J] [Study on metaphor]. *修辞学习* [The Rhetoric Study], 1999, no. 2, pp. 13–14 (in Chinese).
16. Kozhevnikova N. A. O sootnoshenii tropa i realii v khudozhestvennom tekste [On the relation between tropes and realia of the artistic text]. *Poetika i stilistika, 1989–1990* [Poetics and stylistics, 1989–1990]. Moscow, Nauka Publ., 1990. Pp. 37–63 (in Russian).
17. Sklyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993. 152 p. (in Russian).

Li Yanfeng, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 45, Novosibirsk, Russian Federation, 630126); Guangxi Medical University (Nanning, China). E-mail: liyanfeng@yandex.com